

Лу Синьцы взял отгул на несколько дней.

В первый день Дуань Цзяян этого почти не заметил, во второй день жизнь тоже шла своим чередом, но на третий он невольно стал всё чаще поглядывать на пустующее место позади.

Вечером, во время самоподготовки, Чэнь Юэ, увидев, как тот лениво сидит, ест желе и играет в телефон, небрежно бросил:

— Лу-пёс ушёл, тебе не скучно?

Дуань Цзяян резко обернулся.

Словно его застали врасплох, на его лице промелькнула тень смущения, но голос оставался таким же беспечным:

— Мне? Скучно? Мне никогда не бывает скучно.

Чэнь Юэ не ожидал такой реакции. Удивившись, он усмехнулся:

— А вот ему, похоже, скучно. Вчера вечером зашёл в ассистент, а он до самого утра в игры рубился. Видимо, уснуть не мог.

Услышав это, Дуань Цзяян нахмурился:

— Вам что, правда так плохо во время периода восприимчивости? Ещё и бессонница мучает?

— Да уж, плохо, — сказал Чэнь Юэ. — Каждый раз мне кажется, что я вот-вот стану антисоциальным элементом. Кстати, в прошлый раз, во время своего периода, Лу-пёс в баре с кем-то подрался. В итоге сломал тому парню кости.

Сун И, услышав это, с любопытством придвинулся ближе:

— Староста такой крутой?

Чэнь Юэ кивнул:

— У него обычно такой сильный самоконтроль, что в период восприимчивости его просто срывает. Он становится таким... упадническим и дерзким одновременно. Понимаешь?

Говоря это, Чэнь Юэ посмотрел на Дуань Цзяяна:

— В общем, когда у него этот период, держись от него подальше. Мне кажется, при виде тебя он может и на преступление пойти.

Дуань Цзяян на мгновение замолчал.

Чэнь Юэ не знал, что во время периода восприимчивости Лу Синьцы он не только подошёл к нему, но и послушно позволил себя обнять.

Сун И, услышав от Шэнь Чили всю историю о периоде восприимчивости Лу Синьцы, наклонился к Дуань Цзяяну и прошептал:

— Если честно, я тоже думаю, что то, как староста в тот день просто обнял тебя и всё, — это немного извращение.

Дуань Цзяян не понял:

— ????

— А что, по-твоему, он должен был сделать? — искренне спросил Дуань Цзяян.

— Ты на уроках полового воспитания спал, ты не поймёшь, — ответил Сун И.

— Выебать — это ещё легко отделаться. Хорошо, что не вошёл до конца и не пометил.

— ... — от такого грубого и прямолинейного «вошёл» у Дуань Цзяяна загорелись уши. Он не удержался и пробормотал: — Чёрт, о чём ты только думаешь целыми днями.

Сун И некоторое время смотрел на него, а затем вдруг вздохнул.

Этот вздох был полон разочарования. Дуань Цзяян ещё не успел понять, о чём тот вздыхает, как Сун И с отеческой нежностью посмотрел на него:

— Скажи, когда же ты повзрослеешь?

От его тона у Дуань Цзяяна мурашки по коже пошли. Он бросил на Сун И угрожающий взгляд, но тот, словно сошёл с ума, лишь расплылся в пошлой улыбке.

В тот день, когда Лу Синьцы вернулся в школу, Дуань Цзяян проспал и пришёл в класс, когда утренняя самоподготовка была уже в самом разгаре.

Он по привычке бросил взгляд на своё заднее сиденье и, увидев там парня, решающего задачи, подумал, что ему показалось.

Дуань Цзяян сел на место.

Он достал из ящика коробку шоколадных пирожных и, опустив голову, принялся медленно их есть.

Кто-то сзади похлопал его по плечу.

— Ты не завтракал?

Дуань Цзяян, не оборачиваясь, кивнул.

Он откинулся на спинку стула, придвинув его к парте Лу Синьцы.

— Ты что, все эти дни в игры играл?

— Да, не спалось, — ответил Лу Синьцы. — Чэнь Юэ рассказал?

— Угу, — кивнул Дуань Цзяян. — Он видел твоего ассистента.

Учитель сидел за своим столом, и Лу Синьцы говорил тихо и медленно.

— А ты как эти дни? — спросил он. — Скучал по мне?

— С чего бы мне по тебе скучать? — инстинктивно возразил Дуань Цзяян.

Лу Синьцы продолжал ходить вокруг да около:

— А можно я буду считать, что скучал?

Дуань Цзяян посмотрел на него с лёгким раздражением.

Лу Синьцы говорил так убедительно, словно и вправду сильно страдал:

— Я все эти дни так и развлекался от отчаяния.

— ... — Дуань Цзяян долго молчал.

Он достал из ящика пачку фруктовых леденцов и положил её на парту Лу Синьцы.

— С возвращением, — сказал он. — Из Ущелья Призывателей в кровавую баню второго года старшей школы.

Сидящий сзади парень, увидев, что тот, оставив конфеты, отвернулся, развернул одну и улыбнулся.

В день начала каникул Чжао Миньцзюнь повела весь класс в кино.

За день до этого она попросила учеников анонимно написать на листочках названия фильмов, которые они хотели бы посмотреть. В итоге выбрали недавно вышедший на экраны детективный триллер, набравший больше всего голосов.

Этот фильм был очень популярен в последнее время, так что его победа не была удивительной. Дуань Цзяян, посмотрев на результат голосования, обернулся к Лу Синьцы:

— Ты такое сможешь смотреть? Он довольно страшный.

Он ещё помнил, в каком жалком состоянии был Лу Синьцы в доме с привидениями. К тому же, судя по трейлеру, фильм и вправду был жутковатым.

Была перемена. Чжоу Синчэнь как раз искал у Чэнь Юэ зарядку. Не задумываясь, он удивлённо спросил:

— А что тут такого? Он же этого не боится. Мы раньше глубокой ночью смотрели «Мёртвую тишину», и Лу-гэ даже смеялся... Ай! Чэнь Юэ, ты чего меня пинаешь?!

Лу Синьцы посмотрел на Чжоу Синчэня, его лицо стало непроницаемым.

На мгновение ему захотелось, как и Чэнь Юэ, пнуть этого безмозглого идиота.

Дуань Цзяян всё понял:

— Смеялся, и что дальше?

Чжоу Синчэнь с опозданием осознал свою ошибку. В его голове промелькнули пара сцен из парка развлечений. Поняв, что он сболтнул лишнего, он резко замолчал с выражением ужаса на лице.

Дуань Цзяян окончательно всё понял. Он посмотрел на Лу Синьцы и не удержался от укоризненного взгляда:

— Ты что, актёр?

Прозвенел звонок на урок, и Дуань Цзяян без колебаний отвернулся.

Он вспомнил тот день в доме с привидениями, как девушка-призрак настойчиво скреблась в

дверь снаружи, а он десять минут прятался с Лу Синьцы в шкафу.

Взгляд, которым тот тогда на него смотрел, был полон откровенного желания, словно он хотел его съесть.

Оказывается, Лу Синьцы притворился, что боится призраков, ради этого.

Чем больше Дуань Цзяян думал об этом, тем сложнее становились его чувства. Он не злился, просто думал, что этот человек умеет устраивать представления.

Кроме того, в его душе было какое-то непонятное чувство неловкости.

Увидев, что Дуань Цзяян отвернулся, Лу Синьцы хотел было что-то объяснить, но в итоге опустил руку.

Он подпёр подбородок рукой и вздохнул.

Лу Синьцы бросил взгляд на всё ещё стоявшего как вкопанный Чжоу Синчэня и слегка приподнял бровь.

Хоть он и не сказал ни слова, выражение его лица ясно передавало три слова:

Ещё не свалил?

Чжоу Синчэнь от страха чуть не потерял дар речи и тут же вернулся на своё место.

Вернувшись, он чем больше думал, тем больше беспокоился. Не смея лезть на рожон к Лу Синьцы, он написал Чэнь Юэ:

[Юэ! Юэ! Мне конец?!]

Чэнь Юэ: [Да, ты уже труп.]

Чжоу Синчэнь: [...]

Чэнь Юэ: [Искренний совет: в ближайшее время не попадайся ему на глаза.]

Чжоу Синчэнь, дрожа от страха, вдруг подумал, что что-то не так:

[А почему Лу-гэ так носится с Дуань Цзяяном? Он же ему не парень.]

Чэнь Юэ было лень ему отвечать, и он просто поставил точку.

Рядом с Первой школой был кинотеатр. Для удобства Чжао Миньцзюнь забронировала зал подходящего размера.

Дуань Цзяян и Сун И вошли вместе. Чжоу Синчэнь, увидев их, помахал рукой:

— Сюда, сюда.

Дуань Цзяян знал, что Лу Синьцы тоже там, и решил держаться от него подальше.

Пока он так думал, Сун И, садясь, как ни в чём не бывало, прошёл мимо места рядом с Лу Синьцы, оставив его для Дуань Цзяяна.

Теперь вокруг было только одно свободное место.

Дуань Цзяян промолчал.

Подумав, он решил: это Лу Синьцы его обманул, а он ничего плохого не делал. Так что ничего страшного, если он сядет рядом.

Придя к такому выводу, Дуань Цзяян решительно сел.

Как только он сел, человек рядом протянул ему попкорн:

— Будешь?

Дуань Цзяян покачал головой:

— Не буду.

Лу Синьцы не стал настаивать и убрал ведро с попкорном.

Фильм начался.

Это был импортный фильм о запутанной серии убийств. Для Дуань Цзяяна такие фильмы были захватывающими, он смотрел с интересом, но не всё понимал. Ему казалось, что он упускает много мелких деталей.

Дуань Цзяян толкнул Сун И и прошептал:

— На той фотографии... у женщины на лице была кровь?

Сун И был ещё более растерян:

— Ты о чём?

Дуань Цзяян промолчал.

— Женщина — бывшая жена первой жертвы. Она же и репортёр, которая брала интервью у полицейского. Она, должно быть, случайно сфотографировала убийцу, — чтобы не мешать остальным, Лу Синьцы тоже говорил очень тихо. — Кровь — это намёк, оставленный убийцей.

Услышав неожиданное объяснение, Дуань Цзяян, с одной стороны, испытал облегчение от того, что понял сюжет, а с другой — почувствовал лёгкое раздражение.

— Думаешь, я не понял? — вызывающе спросил он.

— Нет, я просто... — он не успел договорить «про себя».

— Я действительно не понял, — добавил Дуань Цзяян.

Лу Синьцы промолчал.

— Ну почему ты такой умный? Всё, что ни посмотришь, всё понимаешь. Реакция на месте просто первоклассная. Не только смелый, но и внимательный к деталям. Даже невероятные вещи тебе под силу.

Лу Синьцы промолчал.

Хотя каждое слово было похвалой, он уловил в них нотки скрежета зубов.

Лу Синьцы помолчал, а затем сменил тему:

— Если дальше не поймёшь, можем обсудить?

Дуань Цзяян ничего не ответил.

Фильм достиг кульминации, и Дуань Цзяян снова был в растерянности.

Сначала он посмотрел на Сун И, который смотрел фильм с выражением полного непонимания, и понял, что на него надежды нет. Затем он бросил пару взглядов на Лу Синьцы, но тут же упрямо отвернулся.

Заметив его движения, Лу Синьцы наклонился к нему.

Звуковые эффекты в кинозале были почти оглушительными, но в этой шумной обстановке тихий, низкий голос парня звучал ясно и приятно.

— Убийца сначала планировал убить старого полицейского. На стене в его комнате висело расписание полицейского. Но потом он понял, что судмедэксперт больше подходит под его условия, и в последний момент сменил цель, — сказал Лу Синьцы. — Убийца — кто-то из их близкого окружения, по крайней мере, тот, кто мог часто видеть старого полицейского.

Дуань Цзяян внешне оставался невозмутимым, но мысленно следовал его логике и постепенно понял несколько ключевых моментов. Удовольствие от просмотра значительно возросло.

Дуань Цзяян кивнул.

Лу Синьцы видел, как тот тихо соглашается, и чувствовал, как его неловкость постепенно исчезает.

Словно взъерошенный кот, которого он потихоньку успокаивал.

Когда снова наступил непонятный момент, Дуань Цзяян по привычке рефлекторно посмотрел в сторону.

На этот раз человек рядом молчал.

Дуань Цзяян не удержался и спросил:

— Почему ты молчишь? Тоже не понял?

Свет от большого экрана падал на лицо Лу Синьцы. Его ресницы были опущены, глаза — чистые и ясные.

С этого ракурса его обычно немного резкие и холодные глаза напоминали лепесток слегка смятого цветка персика.

— Я думаю, что не стоило тебя тогда обманывать, — он сделал паузу. — Но я не хотел тебя разыграть.

Дуань Цзяян замер:

— ...Я не злюсь.

Он отвернулся и скривил губы:

— Просто немного неприятно.

Лу Синьцы, видя, что тот готов пойти на уступки, смягчился.

— Да, я знаю, что ты не злишься, — его голос был ровным, с нотками нежности. — Ты ведь Дуань Цзяян.

Услышав эту неожиданную похвалу, Дуань Цзяян почувствовал себя на седьмом небе от счастья.

Он подумал, что Лу Синьцы — просто безупречный человек. Ему было нечего возразить и невозможно было просто его игнорировать.

После долгой паузы Дуань Цзяян искренне сказал:

— Лу-гэ, напиши книгу. Назови её «Как быть человеком», я обязательно куплю.

Выйдя из кинотеатра, Дуань Цзяян захотел купить молочный чай, и Лу Синьцы пошёл с ним.

Чжоу Синчэнь, увидев, что они снова вместе, с воодушевлением бросился к ним:

— Вы что, помирились...

Чэнь Юэ вовремя схватил этого дурака, давая понять, чтобы он не лез не в своё дело.

Заказывая чай, Дуань Цзяян выбрал фирменный напиток заведения.

Лу Синьцы на самом деле не любил такие напитки, он просто хотел провести с Дуань Цзяяном побольше времени.

— Мне то же, что и ему, — небрежно сказал он.

Они оба были очень красивы, и продавщица не удержалась и бросила на них несколько лишних взглядов.

Перед уходом она любезно предупредила:

— Наш чай очень горячий, пожалуйста, будьте осторожны, чтобы не обжечься.

Дуань Цзяян поблагодарил её.

Но, выйдя на улицу, он забыл о предупреждении, воткнул трубочку в стакан и сделал большой глоток.

В тот же миг Дуань Цзяян едва не выплюнул всё обратно от ожога.

— Горячо? — небрежно спросил Лу Синьцы.

Дуань Цзяян, сдерживая боль, проглотил чай. Он решил, что Лу Синьцы должен разделить с ним это страдание. Боясь, что его раскусят, Дуань Цзяян, собрав всё своё актёрское мастерство, небрежно выдохнул два слова:

— Не горячо.

Лу Синьцы, не задумываясь, тоже вставил трубочку и сделал глоток.

Через мгновение он широко раскрыл глаза, в них промелькнуло удивление.

Поняв, что его разыграли, он посмотрел на Дуань Цзяяна.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха! — Дуань Цзяян, видя его редкое растерянное выражение лица, не выдержал и разразился смехом.

Лу Синьцы проглотил чай, его язык коснулся всё ещё горячей щеки:

— Ты специально?

— Я чуть не сдох от ожога, — он смеялся беззаботно, с озорным выражением на лице. — Я даже немного нервничал, но, к счастью, смог тебя обмануть.

Услышав это «к счастью», Лу Синьцы посмотрел на него со смешанными чувствами.

— Эй, Лу Синьцы, — вдруг позвал его Дуань Цзяян.

Он увидел, как Дуань Цзяян покачал в руке горячий стаканчик с чаем.

— Я тоже тебя обманул. Мы квиты.

<http://bllate.org/book/14653/1301111>